

С. Мнацаканян

Новые материалы по истории Армянского зодчества IX—X вв.

В истории армянской архитектуры IX—XI вв. занимают особое место. Это эпоха, когда армянский народ после почти двухвековой героической борьбы сбросил арабское иго и восстановил свою государственность, эпоха бурного расцвета творческих сил народа. Значительный подъем экономики, развитие городов и ремесел создали совершенно новые предпосылки для возрождения ведущего искусства средневековой Армении — архитектуры.

В эту эпоху армянские мастера создают целый ряд высокохудожественных памятников, среди которых особое место занимают сооружения столицы государства Ани и ряда монастырских комплексов.

Но этот расцвет был подготовлен длившимся почти целый век периодом исканий, во время которого постепенно восстанавливаются старые, утраченные за два века кровавого арабского ига традиции и создаются новые, созвучные новой эпохе композиции.

Однако в специальной литературе изучение этой эпохи до сих пор начинается с анализа высокохудожественных, зрелых памятников Ани, и почти ничего не говорится о том интересном периоде развития, когда шаг за шагом подготавливается отмеченный высокий уровень мастерства анийских зодчих.

В числе сооружений IX — начала X вв. упоминаются в основном Севан, Татев, Ширакован и Ахтамар, которые, являясь разрозненными звеньями целой цепи сооружений, стилистически значительно отличаясь не только от памятников VII в., но и друг от друга, не дают никакой возможности создать определенное представление о путях развития доанийского периода армянского зодчества.

Между тем, как показывает исследование, сохранилось несколько десятков памятников из этой эпохи, характеризующих пути развития армянской архитектуры до того, как бурно развивающаяся новая столица государства Ани, с ее замечательными памятниками, наложила определенный отпечаток на все дальнейшее развитие армянского зодчества.

Из целого ряда сооружений здесь мы останавливаемся лишь на некоторых памятниках Гехаркуника.

В интересующую нас эпоху Гехаркуник входил в состав владений сюнийских князей, что в некоторой мере обусловило близость архитектурных памятников Вайоц-дзора, южного Сюника и Гехаркуника — этих довольно близких по природным условиям и по климату районов.

Хронологически рамки этого периода охватывают время со второй половины IX в. до первой четверти X в.

Географически памятники расположены в бассейне озера Севан, на его западном и южном побережье, и с целого ряда памятников открывается замечательный вид на простирающуюся десятками километров гладь озера.

В научной литературе многие из этих памятников даже не зарегистрированы, а те сооружения, которые особенно часто упоминаются (в основном памятники на острове Севан), конечно не могут дать сколько-нибудь цельное представление об этой интересной архитектурной школе.

Кроме работ историко-географического характера¹, можно отметить лишь краткий обзор некоторых памятников данного района, приведенных Н. М. Токарским². Из интересующих нас памятников здесь приводятся характеристики Айриванка на Севане и Норатуса. Особое значение имеет возможно точное определение датировок приводимых памятников. Согласно строительным надписям, точно датируются: Севан³ (874), Ацарат⁴ (898) и Ваневан⁵ (903).

Из остальных памятников наиболее древним является Шогуагаванк, возведенный, согласно строительной надписи⁶, княжной Мариам, ктито-ром севанских памятников. Хотя точная датировка сооружения остается неизвестной, но упоминание ряда лиц, присутствовавших при освящении церкви — католикоса Георга (877—892), епископа Сюника Оганеса (882—918), а также указание Орбеляна, что окончание церкви предшествовало коронации Ашота Багратуни⁷ (866), дают все основания датировать это сооружение между 877—886 гг. Для определения датировки Котаванка и Макеноцванка важное значение имеет то обстоятельство, что лишь после описания строительной деятельности Мариам (Севан, Шогуагаванк) и Григория Супана (Котаванк, Макеноцванк) Орбелян пишет о Шапу Багратуни, который, «увлекшись благородной завистью» с ним, предпринял строительство Ваневана (903)⁸.

Кроме того, Орбелян особо отмечает, что Севан, Шогуагаванк, Котаванк и Макеноцванк возведены до 901 г.⁹ После всего этого не остается сомнения, что все эти сооружения являются памятниками IX в.

¹ Ч. Անդրանիկ Սրուբին, Վենետիկ, 1893, «Ազգագրական հանդես», 1913:

² Н. М. Токарский, Предварительный отчет о поездке в Армению осенью 1923 г., «Известия Росс. Акад. ист. мат. культуры», т. IV, Ленинград, 1925.

³ Л. Меликсет-Беков, Новооткрытая надпись на Севане от 874 г., Сборник памяти академика Н. Я. Марра.

⁴ Մ. ՍԵՐԱՆԻԱՆԵՅ, ԳԵՂԱՐՐԱՆԻԿ, ՎԱԿԱՐՉԱՊԱՄ, 1895, էջ 500:

⁵ «Պատմութիւն նահանգին Սրուբին Արարեալ. Ստեփաննոսի Օրբելեան արքեպիսկոպոսի Սրահայ», Թիֆլիս, 1911, էջ 182:

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 175.

⁸ Там же, стр. 181.

⁹ Там же.

* * *

Естественно, что на первых порах строили наиболее простые сооружения, что хорошо прослеживается в наиболее ранних сохранившихся памятниках.

Памятник, где внутренняя композиция целиком выявлена в наружных формах, — это небольшая церковь в Айриванке, расположенная на скалистом мысу, глубоко вдающемся в озеро Севан. По композиционному решению это простой тетраконх, где подкупольный квадрат образован непосредственным примыканием четырех абсид. С юго-востока примыкает небольшой придел, вход которого раскрывается в южной абсиде, куда одновременно открывается и главный вход в церковь (рис. 1).

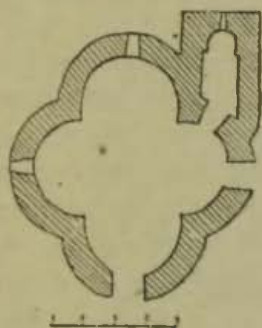

Рис. 1. Айриванк. План.

Рис. 2. Айриванк. Северо-восточный тромп.

Рис. 3. Айриванк.
Бровка восточного окна.

Второй вход, соединяющий церковь с притвором XII в., пробит позже. Церковь освещалась 8 окнами, 4 из которых были расположены в абсидах, а 4 — на барабане купола. Все абсиды, а также и стены придела, сложены из грубо отесанных, сравнительно небольших размеров базальтовых камней, а углы абсид, конхи, тромпы и, по всей вероятности барабан и купол (судя по сохранившимся камням нижней части барабана) — из сравнительно чисто отесанных туфовых камней коричневатобурого цвета.

Подкупольный квадрат, образованный четырьмя примыкающими абсидами, переводится в восьмигранник посредством четырех основных тромп (рис. 2), выше которых расположен второй ряд небольших, выдолбленных в одном камне тромпов.

Верхняя часть церкви (барабан и купол) теперь не сохранилась, но на старых фотографиях, запечатлевших церковь еще в сохранном состоянии, ясно видна общая композиция, с восьмигранным барабаном и шатровой крышей.

Шатровые перекрытия имели также и выступающие полукруги абсид, тогда как придел был перекрыт двухскатной крышей. Декоративные элементы (бровки окон, импосты арок и др.) явно указывают на период исканий, когда наряду со старыми, перенятыми из VII в. формами (бровки с ланцетками) появляются новые, неизвестные в VII в. мотивы (рис. 3).

Почти аналогичные композиции, но уже со значительной разработкой внешних масс зданий, представлены в памятниках Севана, Ацарата, Ланджахпюра, где внешний контур сооружений уже повторяет целиком внутреннюю конфигурацию, и проблема разработки фасадов приобретает определенное значение.

В этом отношении особый интерес представляет небольшая церковь Ацарата (898), где стены, ограждающие абсиды с внешней стороны, не повторяют внутренние полукруги, но одновременно и не взаимно перпендикулярны. Ясно, что мастер здесь старался по возможности избежать лишней кладки, чего, конечно, нельзя было сделать при сохранении строгой взаимной перпендикулярности внешних стен (рис. 4).

Но такой прием, конечно, не мог не отразиться на целостности внешней композиции памятника, лишив его определенной строгости и стройности линий. И не случайно, что в дальнейшем эта форма не нашла почти никакого применения.

По всей внутренней композиции это простой триконх, с несколько удлиненным западным рукавом. Стены возведены из больших, хорошо отесанных, коричневато-бурого цвета туфовых камней, с хорошей пригонкой швов. Два ряда тромпов переводят подкупольный квадрат в восьмиугольник, под которым и возвышается приземистый, восьмигранный барабан купола. Интересно, что, в отличие от Айриванка, где окна барабана расположены выше верха основных тромпов, здесь окна ниже и начинаются на уровне низа больших тромпов.

Интерьер церкви в позднейшее время был оштукатурен, и, таким образом, теперь закрыты и те декоративные элементы, которые возможно здесь были.

Из декоративного убранства фасадов следует отметить бровки окон, которые все без исключения повторяют с небольшими изменениями мотивы VII в. (рис. 5). К VII в. примыкают и общие объемы памятника, и только косые стены сооружения лишают его той цельности, которая так характерна для однотипных, но более древних памятников (Кармравор, Лмпат и др.).

Почти аналогичная композиция наблюдается и в памятниках Севана (874), с той лишь разницей, что они оба имеют по одному приделу в юго-восточном углу.

Одним из характерных сооружений интересующей нас эпохи, где восточные приделы органически входят в композицию всего сооружения, является главная церковь монастыря Ваневан (рис. 6).

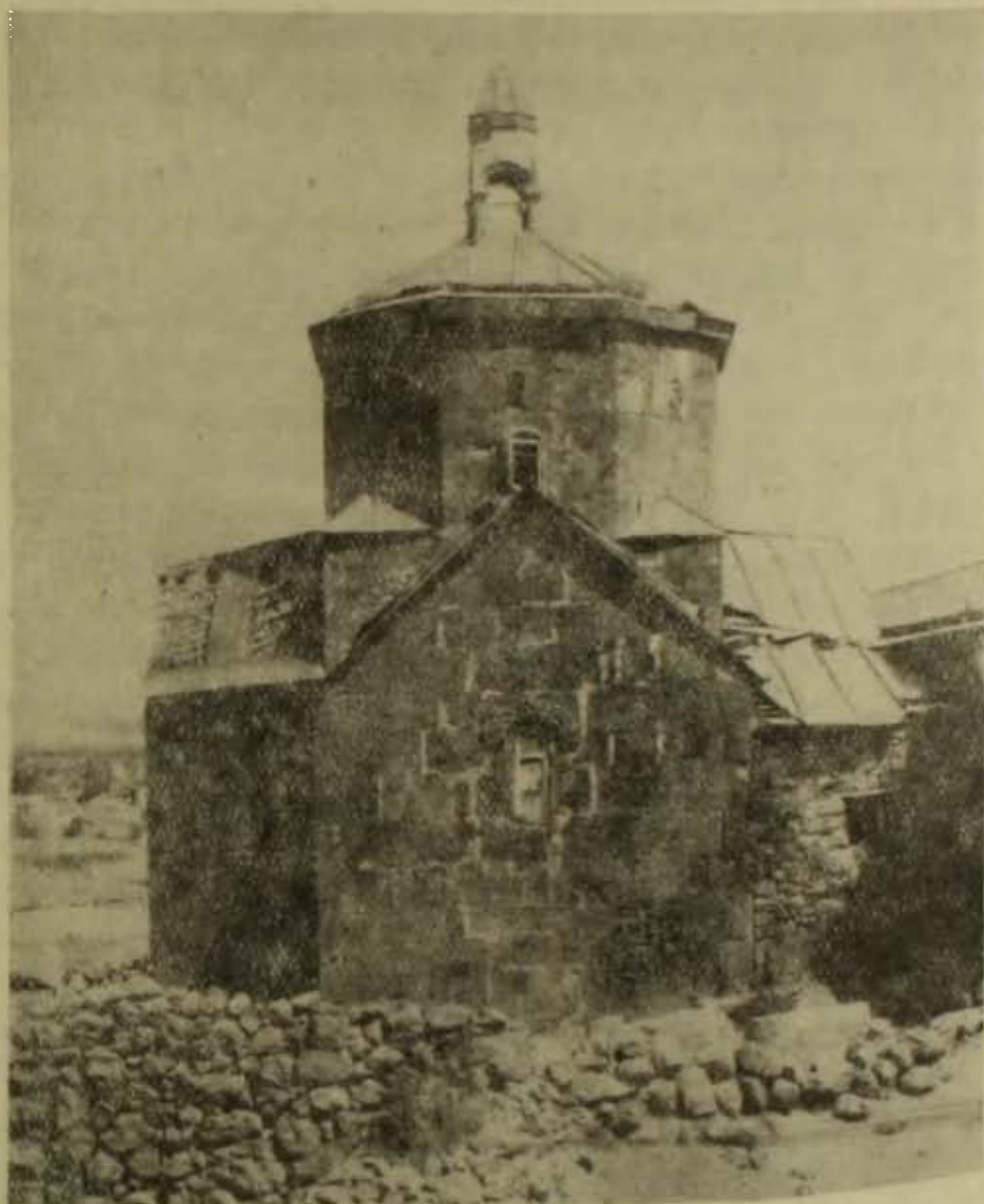

Рис. 4. Ацарат. Северный фасад.

Рис. 5. Ацарат.
Бровки окон.

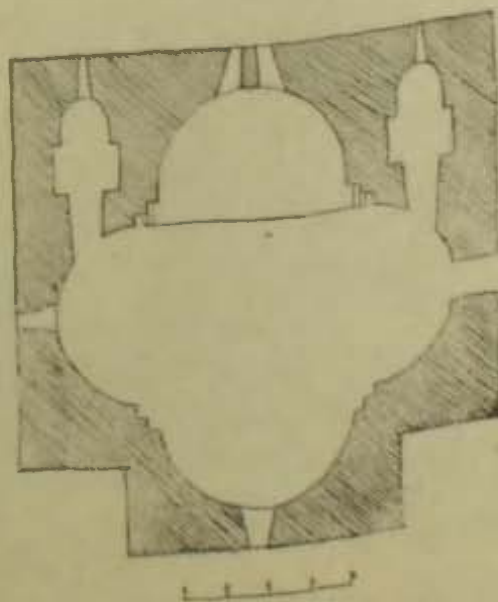

Рис. 6. Ваневан. План.

По своей композиции это триконх с двумя восточными одноэтажными приделами, входные проемы которых пробиты в северной и южной абсидах.

Как в севанских памятниках, так и здесь абсиды до уровня конх сложены из небольших грубо отесанных базальтовых камней, а конхи, утлы абсид, барабан и купол — из сравнительно хорошо отесанных камней коричнево-бурой расцветки туфа.

Освещается церковь также восьмью окнами, четыре из которых открываются в абсидах, а четыре находятся на барабане купола.

Единственный вход в церковь размещен в южной абсиде, перемычка которого, как перемычки восточных приделов, идентична с перемычками некоторых памятников V—VII вв.

Следует особо отметить стрельчатый характер основных подкупольных арок, верхний ряд которых несколько приподнят в центре и постепенно сходит на нет с приближением к пятам нижней арки.

Применение стрельчатых арок как в этом, так и в ряде других памятников Гехаркуника и Сюника показывает, что нужно пересмотреть существующее мнение о том, что распространение стрельчатых арок начинается со строительства анийского собора, а между тем в сюникской архитектурной школе они находят широкое применение намного раньше.

Наличие двух восточных приделов вносит значительные изменения в наружных объемах, где перекрытая двухскатной крышей вся восточная часть церкви резко отличается от западной, что, конечно, не способствует архитектурному единству всего памятника (рис. 7).

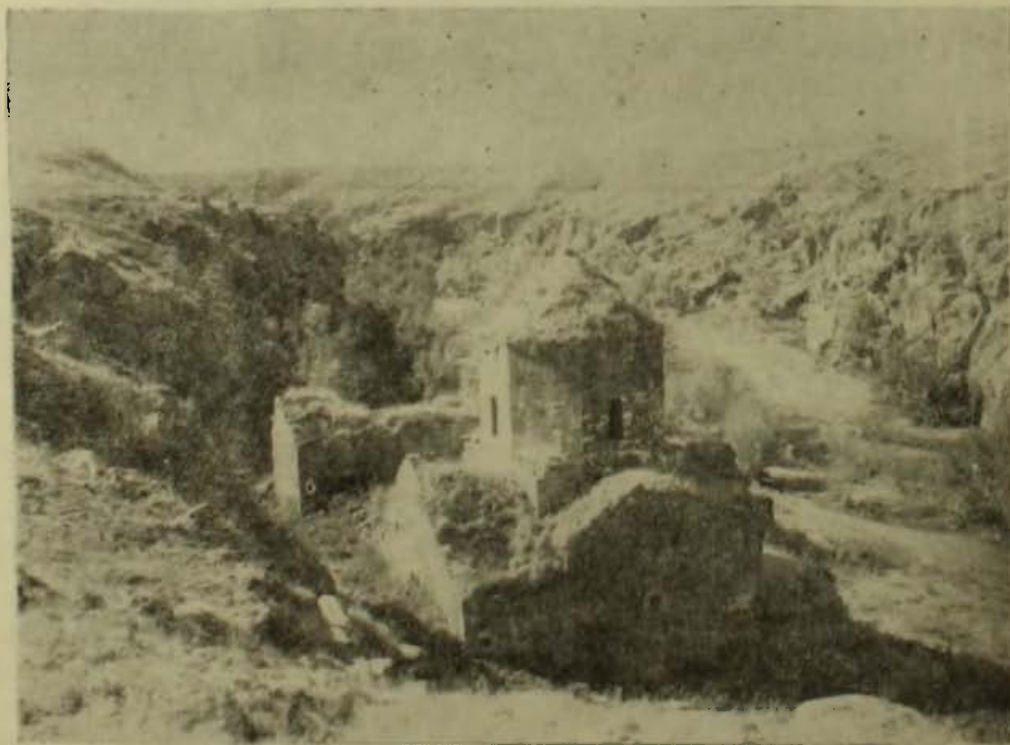

Рис. 7. Вансван. Общий вид с северо-востока.

Как показывают сохранившиеся памятники, развитие композиционных решений идет по пути увеличения количества приделов, причем, кроме восточных приделов, возводятся и западные. В этом отношении наиболее древним нужно считать Шоугагаванк, возведенный в 877—886 гг. Устройство западных приделов дало возможность получить цельную композицию всего храма, и отныне основные массы памятника становятся четким, единым и равномерно спруппированным вокруг среднекрестия (рис. 8). Памятник возведен из хорошо отесанного, синевато-бурого отенка туфа, на крепком известковом растворе. Кладка стен идет ровными рядами, линии швов хорошо пригнаны, отсутствуют фаски. Есть много знаков мастеров. Эта строительная техника резко отличает данное сооружение от других, почти одновременно с ним возведенных памятников, где основным строительным материалом был базальт, и трудности обработки камня заставили мастеров ограничиться лишь грубой его отеской.

К сожалению, здание сильно разрушено, и остались лишь северная стена и отдельные части восточной и западной стен. По своей композиции это триконх с приделами во всех четырех углах. Входы в восточные приделы устроены с запада, а в западные приделы — соответственно с юга и севера. Восточные приделы освещались небольшими окнами, выходящими на восточный фасад сооружения, западные приделы — окнами, пробитыми в западной стене. Приделы все одноэтажные и имели сводчатые перекрытия. Кроме того, над перекрытиями восточных приделов размещались тайники, куда попадали через специальные лазы, выходящие соответственно в северную и южную абсиды (рис. 9).

Наличие тайников приводило к разновысотным наружным объемам приделов, что, конечно, не могло не привести к определенной неуравновешенности внешних масс сооружения. В сохранившейся части памятника почти нет декоративных элементов, и только простые тяги со скосом с ближней стороны оформляют гурты абсид и приделов. Остается неизвестной и конструкция подкупольного перехода, так как вся верхняя часть памятника разрушена, а камни унесены.

В отличие от строгого интерьера, фасады памятника имели сравнительно богатое оформление.

Наиболее характерное здесь — это наличие трех вертикальных ниш, которые, судя по северному фасаду, повторялись и на других фасадах сооружения, кроме западного.

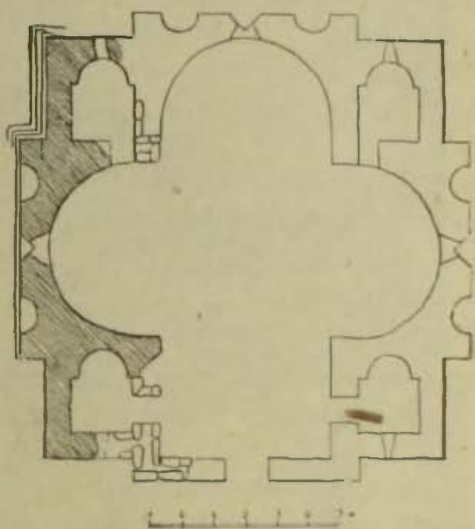

Рис. 8. Шоугагаванк. План.

Основные ниши расположены по обеим сторонам центрального окна абсиды, и, в отличие от обычных треугольных, они здесь имеют полукруглую в плане форму. Между этими нишами расположена третья, уже треугольная ниша, внутри которой открывается центральное окно абсиды.

Рис. 9. Шогутаганк. Вид с юга.

Такое сочетание ниши с окном также остается единственным известным примером в армянском зодчестве и одним из характерных явлений этой эпохи исканий.

Рассматривая общую композицию данного памятника, нельзя не отметить, что, разработав вопрос об уменьшении размеров приделов, мастера не смогли решить другой, не меньшей важности вопрос о цельности всей композиции и, получив изрезанный план, значительно отошли от древних, проверенных веками, традиций.

Однако эти традиции были настолько сильны и настолько соответствовали сейсмическим условиям страны, что нельзя считать случайным, что тип Шогутаганка остался единственным примером не только в сюникской архитектурной школе, но и во всей армянской архитектуре IX—XI вв.

И не случайно, что в других памятниках этих же лет появляются совершенно новые решения, где внешние массы церкви представляют уже одно гармоничное целое.

Это те памятники, где наличие приделов в четырех углах здания позволяет взять все сооружение в четкий прямоугольный контур и получить, таким образом, аналогичные композиции и на восточной и на западной сторонах.

В этих памятниках (Котаванк, Масрац анапат, Лчашен) триконх взят в прямоугольный абрис внешних стен, и, таким образом, получен тип церкви, совершенно неизвестный в архитектуре V—VII вв. Появление этого нового типа — результат закономерного развития армянского

зодчества и, несомненно, должно рассматриваться как определенный вклад сюникской архитектурной школы.

Внешние объемы церкви вполне соответствуют внутреннему решению, где несколько приподнятое средиекрестие соответствует внутреннему триконху, а угловые, пониженные части — более низким уровням приделов. Снаружи храм опять приобрел установившуюся в армянском зодчестве VII в. четкую объемную композицию, которая была так рациональна и для купольных базилик, и для купольных зал, и с успехом применялась в некоторых центричных сооружениях. Следует отметить, что явление это наблюдается и в памятниках IX—X вв., когда один и тот же принцип объемного решения применяется и в сравнительно приземистых, продолговатых зданиях, где в основном господствует горизонтальная протяженность масс (Масрац анапат), и в центричных, с подчеркнутым вертикальным характером сооружений (Воротнаванк).

Все это свидетельствует об упорной творческой работе армянских зодчих в направлении разработки наиболее четких и рациональных композиций и хорошо характеризует эту эпоху исканий.

Одним из интересных памятников отмеченного типа является Котаванк, возведенный князем Григорием Супаном в конце IX в. (рис. 10). Памятник находится в селе Неркин Геташен, Мартунинского района, недалеко от берега озера Севан, на высоком скалистом обрыве, и обозревается с больших расстояний.

По своей строительной технике сооружение целиком входит в ряд уже рассмотренных памятников и построен, в основном, из сравнительно небольших грубо отесанных базальтовых камней.

Как в других памятниках, так и здесь зодчие особое внимание обращали на кладку угловых частей здания (наружные углы, углы примыкания абсид и т. д.), где она выполнена из сравнительно больших чисто отесанных камней (рис. 11).

По своей плановой композиции это триконх с несколько вытянутыми пропорциями в направлении запад — восток.

Некоторая вытянутость в главном направлении является одной из характерных сторон крестовокупольных сооружений армянского зодчества VII в., что, несомненно, возникло из стремления особо подчеркнуть главное направление и одновременно рационально использовать площадь церкви.

Настолько глубоки были эти традиции, что и здесь, в этом новом

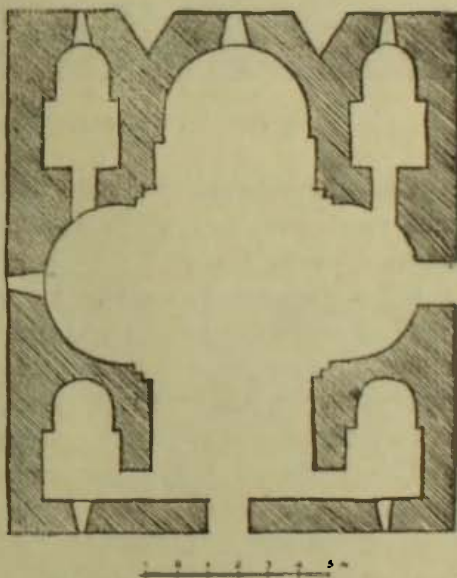

Рис. 10. Котаванк. План.

типе плановой композиции, мастера опять применяют бему у главной абсиды и придают несколько вытянутые пропорции западному прямоугольному рукаву, точно так, как в ряде памятников VII в., хотя они имеют совершенно различные плановые решения.

Полностью сохраняется и традиционное направление входов в восточные приделы, устраиваемые в VII в., как правило, с запада.

Рис. 11. Котаванк. Общий вид с северо-востока.

Сохранение этой традиции привело к тому, что теперь, в этих новых типах сооружений, входы в восточные приделы всегда открываются в южной и северной абсидах и обычно представляют узкие, с несимметрично расположенными сторонами проходы, пробитые в толще стен абсид.

Примыкание прямого прохода к полукругу абсиды являются одним из наиболее трудно разрешимых элементов; разнообразные решения, встречающиеся в этих памятниках, свидетельствуют о неустанных исканиях мастеров и в этом направлении.

С другой стороны, именно наличие этих входов является причиной отсутствия ниш на северном и южном фасадах, так как они здесь почти насквозь прорезали бы всю толщу стены, значительно ослабив этим ее конструктивную устойчивость.

Понятно, что невозможность устройства восточных ниш на северном и южном фасадах одновременно исключала и возможность устройства и западных симметричных им ниш, хотя здесь, в местах примыкания абсид к западным приделам, образуются значительные массы нерационально используемой кладки, и наличие ниш было бы вполне оправдано.

Входы в западные приделы Котаванка устроены непосредственно у западной стены церкви, что, конечно, рационально и удобно.

Сооружение имеет два входа — южный и западный, перемычки которых, как и перемычки входов в приделы, повторяют архаичную кон-

струкцию двух горизонтальных балок с разгрузочной щелью между ними.

Из конструктивных особенностей следует отметить несколько больший диаметр конхи относительно диаметра абсиды, что, по всей вероятности, было вызвано необходимостью получения надежной опоры для лесов.

Интересно также устройство тайников над перекрытием приделов.

Как было уже отмечено, все приделы одноэтажны, но выше их устроены специальные тайники, куда попадали через квадратные лазы, пробитые на восточных сторонах северной и южной абсид.

В свое время эти лазы закрывались специально пригнанными камнями, которые теперь уже выпали, и ясно виден проход во внутреннее небольшое помещение.

Следует отметить, что аналогичные тайники встречаются и в некоторых памятниках VII в.

О внешних массах сооружения можно судить по сравнительно хорошо сохранившемуся возведенному тем же князем Григором Супаном после окончания этого сооружения, крестовокупольному храму Макеноцванка, где плановое решение почти в точности повторяет решение Котаванка (рис. 12).

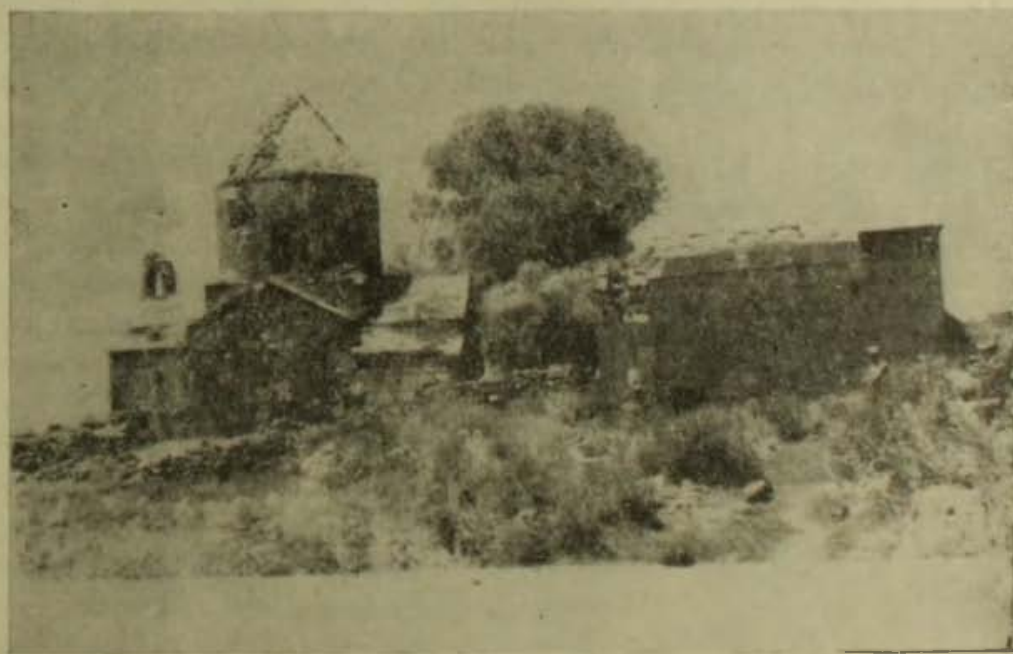

Рис. 12. Макеноцванк. Общий вид с юга.

Хотя здесь наличие более ранней однефной небольшой церкви исключало возможность возведения юго-западного придела, тем не менее общая плановая композиция осталась почти без всякого изменения.

Восточный фасад и здесь оформляют две мощные и вполне конструктивные ниши, которые так эффективно наблюдаются на восточном фасаде Котаванка и которые здесь потеряли всю силу своего эмоцио-

нального воздействия, так как возвышающийся с востока холм почти полностью закрывает вид монастыря с этой стороны.

Хотя верхняя часть барабана и сфера купола не сохранились в первоначальном виде и переложена позже, два ряда тропов подкупольного перехода не подверглись никаким изменениям.

Особый интерес представляют декоративные элементы памятника. Если Котаванк почти лишен орнаментации, и единственно сохранившиеся импосты северной абсиды оформлены несложными тягами с идущим по ним рядом бляшек, то два сравнительно больших рельефа Макенцванка представляют особый интерес.

Первый рельеф (0,65×0,70) изображает Даниила во рву львов. Рельеф, к сожалению, очень плохой сохранности, и как показывает его местонахождение (в первом ряду кладки, в юго-восточном углу памятника), ясно, что он не является органическим элементом этого сооружения и перенесен сюда с какого-то другого места.

Другой рельеф находится на внутренней стороне перемычки западного входа и представляет довольно значительных размеров (шир. 0,5 м, длина 1 м) изображение бегущего коня с седлом и сбруей, но без всадника. Сравнительно высокий рельеф, характер обработки и повреждений свидетельствуют о том, что и этот камень взят с другого памятника.

Обработка импостов имеет ряд общих черт с импостами подкупольных арок Котаванка. Интересны также перемычки входов в приделы, где на одном цельном камне высечен арочный архивольт с имитацией клинчатых камней.

Таким образом, в этих двух памятниках мы имеем уже вполне оформившиеся решения принятой композиции, хотя, как показывают сохранившиеся памятники, армянские мастера не ограничивались однажды приня-

тыми пропорциями. Об этом свидетельствует находящийся недалеко от села Дзорагюх другой памятник отмеченного типа (Масрац анапат), который хотя и не имеет определенной датировки, но и по своей композиции и по строительной технике прочно входит в ряд уже отмеченных памятников (рис. 13).

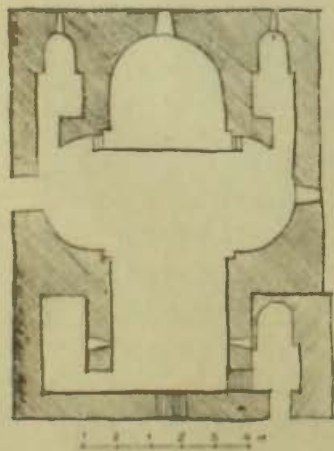

Рис. 13.
Масрац анапат. План.

Но наряду с этим, в отличие от Котаванка и Макенцванка, которые по своим плановым пропорциям близко подходили к квадрату, это сооружение имеет значительно вытянутые в плане пропорции (1,33:1), а в объемных решениях резко отходит от рассмотренных выше типов зданий, где основным акцентирующим мотивом являлась вертикаль среднекрестия.

Между тем в этом памятнике преобладают в основном горизонтально-протяженные массы, где над сравнительно невысоким среднекрестием возвышается приземистый барабан купола.

Небольшие общие размеры памятника предопределили как простое примыкание абсид, так и своеобразную конструкцию входов в восточные приделы, которые, наподобие входов западных приделов, устроены почти на уровне северной и южной стен церкви.

Кроме того, отсутствие абсид в западных приделах, взамен обычного тропевого — парусный подкупольный переход, отсутствие окон на северном фасаде также отличают это сооружение.

Как показывает обследование, юго-западный придел не современен церкви и возведен значительно позже, после разрушения этого угла памятника. По-видимому, во время ремонта и был заделан ведущий в церковь вход с этого придела, устроено грубое закругление неравной кладкой в его углах в целях получения абсиды и пробит западный вход в эту фактически изолированную от церкви часовеньку.

Интересно, что западные приделы имеют окна не с запада, как обычно, а с востока, выходящие, таким образом, во внутрь церкви, в северную и южную абсиды.

Здание возведено из грубо отесанных базальтовых камней, с затиркой неровностей швов известковым раствором.

Паруса сложены кое-как, грубо и неровно.

Основание купола фактически представляет не круг, а квадрат со срезанными, грубо закругленными углами, которые получены посредством напуска импоста, идущего по верху подкупольных арок.

Особый интерес представляет конструкция самого купола, имеющего ясно выраженную стрельчатую форму и, кроме того, поставленного не на специальный барабан, а прямо на подкупольное кольцо.

Таким образом, здесь роль барабана фактически выполняет нижняя часть купола, который снаружи уже оформлен как обычной конструкции приземистый восьмигранный барабан.

Шатровое перекрытие купола состоит из уложенных прямо на сферу купола плоских каменных плит. Как и шатровая крыша, щипцы имеют очень пологий уклон и оформлены простыми карнизами со скосом в своей нижней части. Несколько сложнее карниз подкупольного квадрата, состоящего из горизонтальных тяг и идущих над ними полукруглых бляшек.

Как было уже отмечено, композиция внешних масс церкви имеет приземистые, вытянутые в продольном направлении формы, напоминающие композиции купольных базилик VII в. (рис. 14).

Таким образом, можно ясно видеть пути исканий новых форм и композиций, когда выработанные на основе триконха однотипные сооружения, имеющие сходные плановые конфигурации, с внешней стороны получают совершенно отличающиеся друг от друга решения. В одном случае они приближаются к центричным, с подчеркнутой вертикальностью объемов, сооружениям, а с другой стороны — к приземистым, горизонтально-протяженным объемам купольных базилик.

Резюмируя пути развития крестовокупольных композиций типа Котаванка, можно отметить, что исходными для них явились триконхи и тетраконхи, с выступающими рукавами (Севан, Айриванк).

Дальнейшее развитие шло по пути добавления приделов, как с восточной, так и с западной стороны, что, и, в конце концов, привело к созданию совершенно новых типов сооружений.

Однако и новый тип (триконх с приделами в 4 углах, тип Котаванка) также не лишен ряда существенных недостатков, что, конечно, не могли не заметить армянские зодчие.

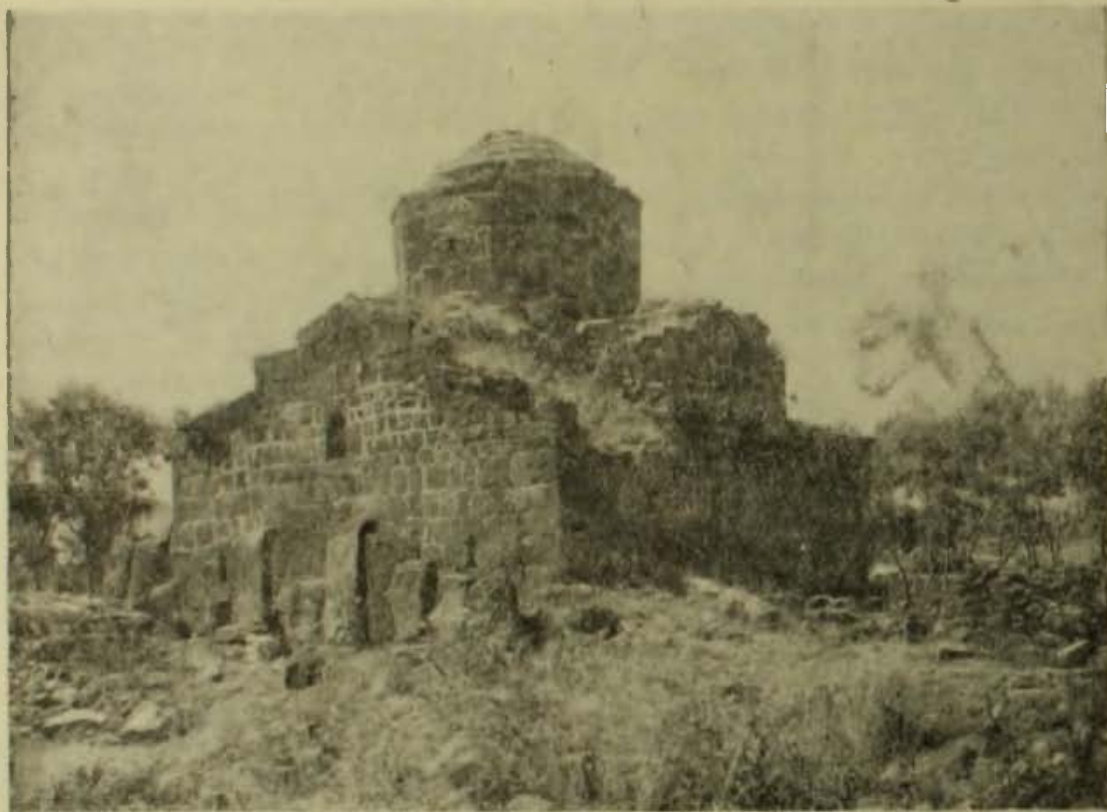

Рис. 14. Масрап апанат. Общий вид с северо-востока.

Как было указано, заключение триконха в прямоугольной абрис внешних стен привело к ряду значительных затруднений, среди которых наиболее крупным является резкое увеличение поперечных размеров приделов и появление значительных масс совершенно нерациональной кладки. Как показывают сохранившиеся памятники, приделы в армянском зодчестве — обычно вытянутые с востока на запад помещения, при сравнительно небольшой ширине. Это и вполне понятно, так как там одновременно должны были находиться всего несколько человек, и не было никакой надобности сделать их больше. С другой стороны, ширина приделов в памятниках типа Котаванка зависит от диаметра абсиды и ширины сооружения, которая в свою очередь определяется диаметром купола, так как диаметр боковых абсид, как правило, всегда равен диаметру купола. Отсюда получается, что при увеличении диаметра купола увеличивалась и ширина памятника, что, в свою очередь, приводило к совершенно ненужному увеличению ширины приделов.

Кроме того, если устройство глубоких ниш на восточном фасаде церкви значительно уменьшало количество нерационально используемой кладки, то невозможность размещения аналогичных ниш на север-

ном и южном фасадах (так как наличие входов в восточные приделы включало устройство ниш и на восточной стороне северного и южного фасадов, а сделать одну, западную нишу в тех же фасадах было бы бессмыслицей) приводит к тому, что получается значительная масса совершенно лишней кладки, количество которой опять-таки прямо пропорционально диаметру купола.

Таким образом, становится ясным, что данная композиция может быть рациональной лишь в сооружениях небольших размеров, где приделы получаются сравнительно неширокими, а забутка абсид — небольшой. Это ясно видно при сопоставлении плановых решений Масрац аналата и Котаванка.

Так, если в первом памятнике, несмотря на его сравнительно небольшие размеры, приделы имеют уже ширину 1,5 метра (что, конечно, вполне достаточно; можно отметить ряд других памятников XI—XIII вв., где, несмотря на значительно большие размеры сооружений, ширина приделов даже не доходит до 1,5 метра), то в Котаванке приделы имеют ширину 2,5 метра, что, конечно, совершенно излишне.

Кроме того, соответственно с увеличением диаметра купола в Котаванке увеличено и количество лишней кладки, что так же ясно видно из сопоставления указанных памятников.

В этих условиях было вполне естественно стремление мастеров создать такую композицию, где можно было бы без ущерба увеличить диаметр купола, и первым шагом в этом направлении, несомненно, должно было быть упразднение непосредственной зависимости размеров приделов от общей композиции церкви. Именно это и привело к созданию памятников типа Каркопа, где боковые абсиды заменены прямоугольными рукавами креста.

Создание этой композиции явилось закономерным результатом упорных исканий сюникских зодчих, и не случайно, что именно в Сюнике встречается древнейший памятник этой композиции, датируемый 911 г.

Значительные композиционные и конструктивные преимущества данной композиции, возможность без нарушения архитектурно-художественной выразительности возводить и совсем небольшие и имеющие значительные размеры сооружения обусловили ее широкое распространение и становление основного типа массовых культовых сооружений армянского зодчества последующих веков.

* * *

До сих пор мы рассматривали памятники, являющиеся проработкой в принципе несложной композиции триконха. Однако сохранившиеся памятники показывают, что сюникские зодчие не останавливались также перед воспроизведением более сложных типов, как, например, храмов типа Рипсиме.

Этот интересный памятник — церковь богородицы в Колатаке — находится на расстоянии 4 км к югу от села Алучалу и возведен из неправильно отнесенных базальтовых камней, с применением в отдельных

местах и туфа. Только углы абсид, как наиболее ответственные участки, возведены из камней получистой тески. Сооружение было оштукатурено как снутри, так и снаружи (рис. 15).

Наружная штукатурка, хорошо сохранившаяся на северном фасаде, представляет исключительное явление в армянской архитектуре и не встречается ни раньше, ни позже.

По своему характеру она резко отличается от внутренней штукатур-

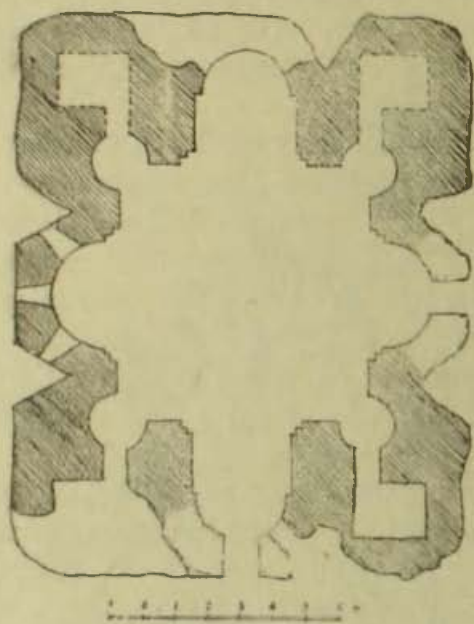

Рис. 15. Колатак. Церковь богородицы. План.

ки, которая не особенно прочна и содержит в себе значительное количество мелкорубленной соломы, тогда как наружная штукатурка значительно превосходит ее по своей крепости и содержит сравнительно малое количество песка.

Памятник сильно разрушен. В наилучшем состоянии северная стена, сохранившаяся до высоты 6—7 метров. Композиция памятника повторяет тип храма Рипсиме, но с некоторыми существенными отступлениями, которые наиболее четко проявляются в отношении угловых помещений, имевших здесь вид вытянутых с севера на юг комнат.

Памятник имел два входа — южный и западный. Сохранились следы

ниш на всех фасадах, о внешних формах которых можно судить по северному фасаду сооружения. Ниши имеют треугольную в плане форму и перекрывались коническими тромпами, кладка которых была более или менее правильной лишь на наружных бровках, тогда как задняя часть конусов сложена из неровных камней и также покрыта штукатуркой.

В абсиде северного фасада открывались три окна — одно центральное, а два — по бокам, с выходом на боковые плоскости ниш (рис. 16). Сохранились следы окон и на восточном и западном фасадах. По всей вероятности, и южный фасад имел аналогичное расположение окон.

Однако повторение такого сложного по своим композиционным и конструктивным решениям типа, конечно, не могло найти широкого распространения, и не случайно, что мастера тогда же взяли за его упрощение, как это видно в Ахтамаре (916).

Как показывает исследование, сюникские мастера не ограничиваются лишь центричными сооружениями.

Применение памятников продольной композиции наблюдается в ряде комплексов (Шогуагаванк, Макенотцванк, Ваневан). Интересно, что

эти небольшие однефные сводчатые залы по своим формам иногда вплотную подходят к древнейшим однефным залным церквям V в., как это можно видеть в небольшом сводчатом сооружении Шоугагаванка, с его выступающей пятигранной снаружи абсидой.

Рис. 16. Церковь богородицы в Колатаке. Северная абсида снутри.

Другой композицией, также облюбованной сюникскими зодчими, оказалась купольная зала, разработанная армянскими зодчими еще в VI—VII вв. и представленная такими высокохудожественными сооружениями этих веков, как Птгни и Аруч.

Как показывают сохранившиеся памятники, композиция купольной залы была хорошо известна сюникским мастерам IX—X вв., и именно здесь, в сюникской архитектурной школе, мы находим один из наиболее ранних примеров приспособления этого типа к новым условиям и требованиям эпохи.

Таковыми памятниками являются Норатус (рис. 17 и 18) и Батикян (рис. 19). Хотя оба имеют одинаковые плановые композиции, но пропорции Батикяна более собраны и менее вытянуты, чем пропорции Норатуса, который больше приближается к древним образцам, хотя здесь уж налицо декоративные ниши на всех четырех его фасадах — черта, которая получает широкое распространение в более позднее время.

Оба памятника возведены из больших хорошо отесанных камней туфа коричневатого-бурого цвета. Сильное разрушение (в обоих случаях сохранились лишь стены до высоты импостов подкупольных арок) не дает возможность определить характер подкупольных переходов — были ли они тромповыми или применялись паруса. Сохранившиеся нижние ряды кладки подкупольных арок Норатуса показывают, что они здесь,

как и в некоторых других памятниках этой же эпохи, были подковообразными.

Из декоративных элементов в Норатусе сохранились бровки окон и

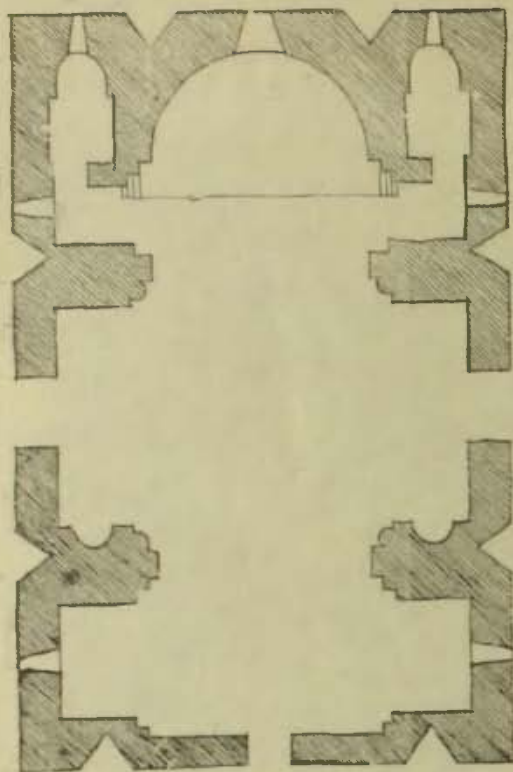

Рис. 17. Норатус. План.

ниш северного и восточного фасадов, представляющие очень интересное сочетание древних мотивов с новыми, вовсе не известными ранее мотивами (рис. 20). То же самое можно сказать и о Батикяне, где сохранились орнаментированные камни перемычек западного и северного фасадов, по своей композиции представляющие подражание древним мотивам, хотя и в отдельных элементах здесь много нового и своеобразного (рис. 21 и 22).

Заканчивая обзор памятников Гехаркуника IX—X вв., нельзя не отметить также незарегистрированный до сих пор в научной литературе памятник, находящийся к югу от села Верин Гезалдара и по своему типу представляющий двухнефную залу с тремя расположенными в его середине столбами.

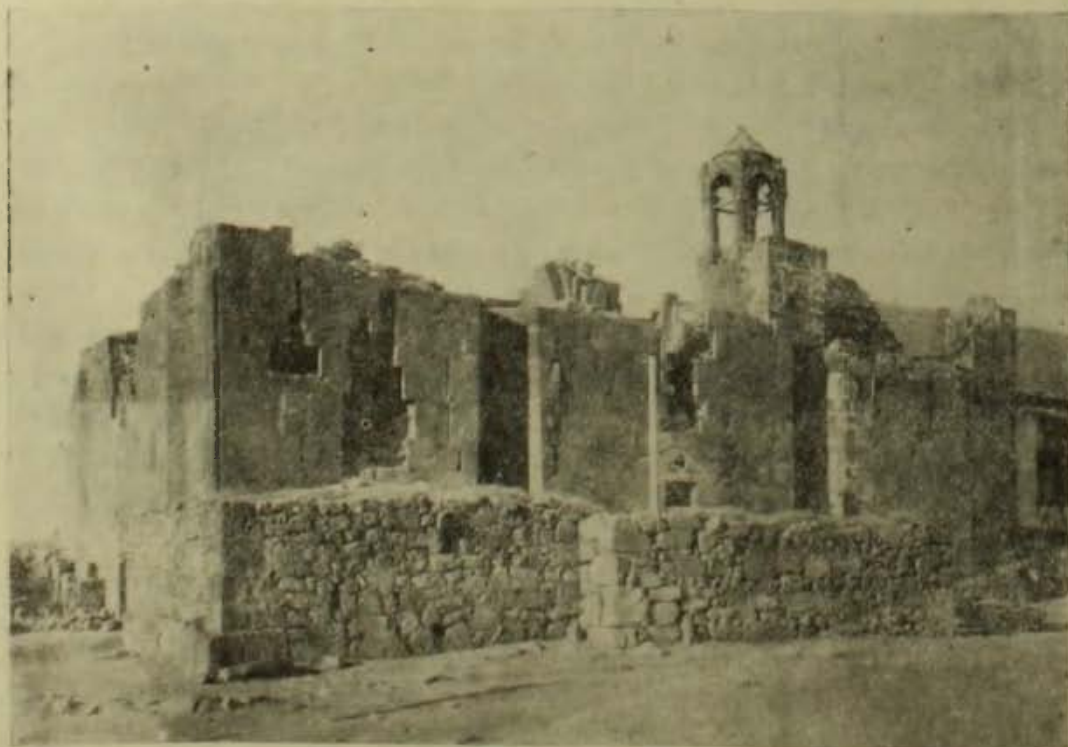

Рис. 18. Норатус. Общий вид с юго-запада.

Исключительное своеобразие этого памятника заключается в его системе перекрытия, где огромные плиты базальта (шириной 0,6—0,7 м, длиной 2—2,1 м, толщиной 0,15—0,25 м) опираются на три грубо сколотые базальтовые балки (сечение в среднем $0,5 \times 0,7$ м, длина 3,9—4,1 м), которые, в свою очередь, поддерживаются расположенными в

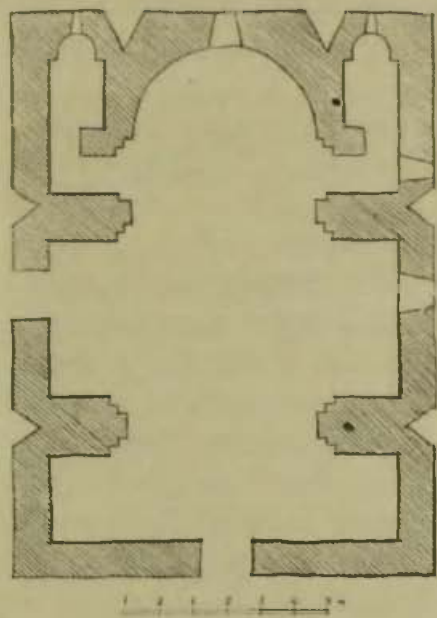
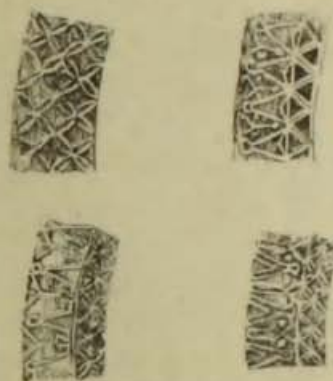

Рис. 19. Батикян. План.

Рис. 20. Норатус.
Бровки окон и ниш.Рис. 21. Батикян. Перемычка
западного входа.Рис. 22. Батикян. Перемычка
северного входа.

их середине тремя, в основном такого же характера, как балки, монолитными столбами (сечение в средней части $0,5 \times 0,6$ м, высота 2,8 м).

Определенный интерес представляет и форма этих столбов, сравнительно узких в основании и постепенно расширяющихся кверху, точно так, как это практикуется в народном зодчестве, в отношении деревянных столбов, поддерживающих перекрытие глхатуна.

Монолитные столбы, в свою очередь, опираются на ступенчатую базу, состоящую из двух, также монолитных базальтовых плит, причем нижняя плита значительно больше по размерам, чем верхняя.

Абсиды также сложены из грубо околотых камней и по своей форме приближаются к полукругу. Углы абсид оформлены двумя огромными монолитами, верхние части которых несколько закруглены и напоминают начальные части триумфальной арки.

Эти монолиты поддерживают горизонтальную каменную балку,

которая, в свою очередь, является опорой плит, перекрывающих абсиду. Одна из плит заменена хачкаром с характерными для X в. формами. Памятник почти лишен декоративных элементов, если не считать высеченные на поставленных по бокам абсиды монолитах небольшие кресты и надпись XVII в.

Снаружи весь памятник почти засыпан землей, и лишь с запада и юга видны его небольшие, сложенные из грубо околотых базальтовых камней стены.

В противоположность наружному невзрачному виду, интерьер памятника с его мощными монолитными столбами, поддерживающими такие же огромные балки с размещенными над ними базальтовыми плитами, оставляет исключительное впечатление.

К сожалению, памятник не имеет точной датировки. Однако, если учесть, что на всем южном побережье озера Севан встречаются лишь редкие и то по своим размерам очень небольшие культовые сооружения, возведенные в последующих веках, и, с другой стороны, учитывая то обстоятельство, что по своей строительной технике стены этого памятника вполне идентичны со стенами таких памятников, как Севан, Котаванк и др., не исключено, что и этот памятник возведен именно в IX—X вв., когда в Гехаркунике развернулось широкое строительство культовых сооружений.

Таким образом, рассмотрение памятников Гехаркуника в IX—X вв. показывает, что здесь мы имеем целый ряд очень интересных и своеобразных сооружений, имеющих существенное значение для правильного представления путей развития армянского зодчества в IX—XI вв.

Эти памятники наряду с тесно связанными с ними памятниками центрального и южного Сюника IX—X вв. характеризуют первую стадию формирования новой ступени развития армянского зодчества, бурный расцвет которого начался несколько позже.

Именно в этом и заключается особая ценность этих памятников, способствующих несколько лучшему пониманию до сих пор почти не изученного так называемого подготовительного периода, когда после почти двухвекового арабского ига постепенно восстанавливались утраченные традиции, создавались новые композиции и закладывались основы всего дальнейшего развития армянского зодчества.